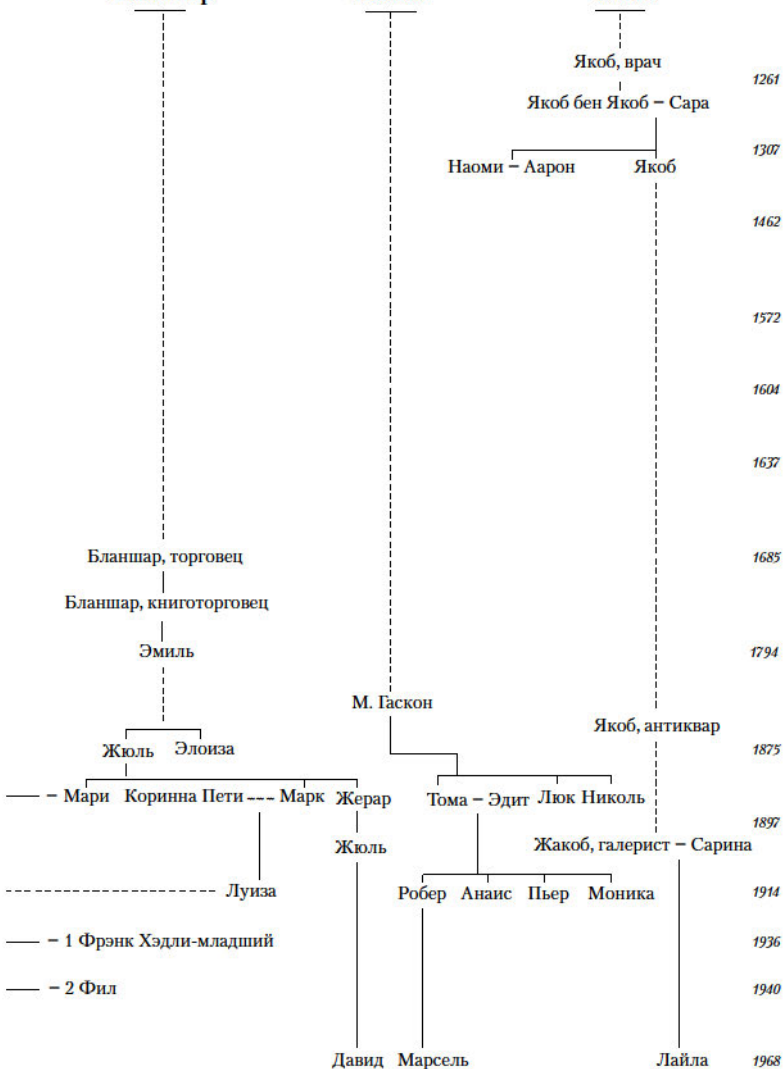

✠
Бланшар

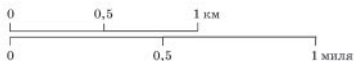
✠
Гаскон

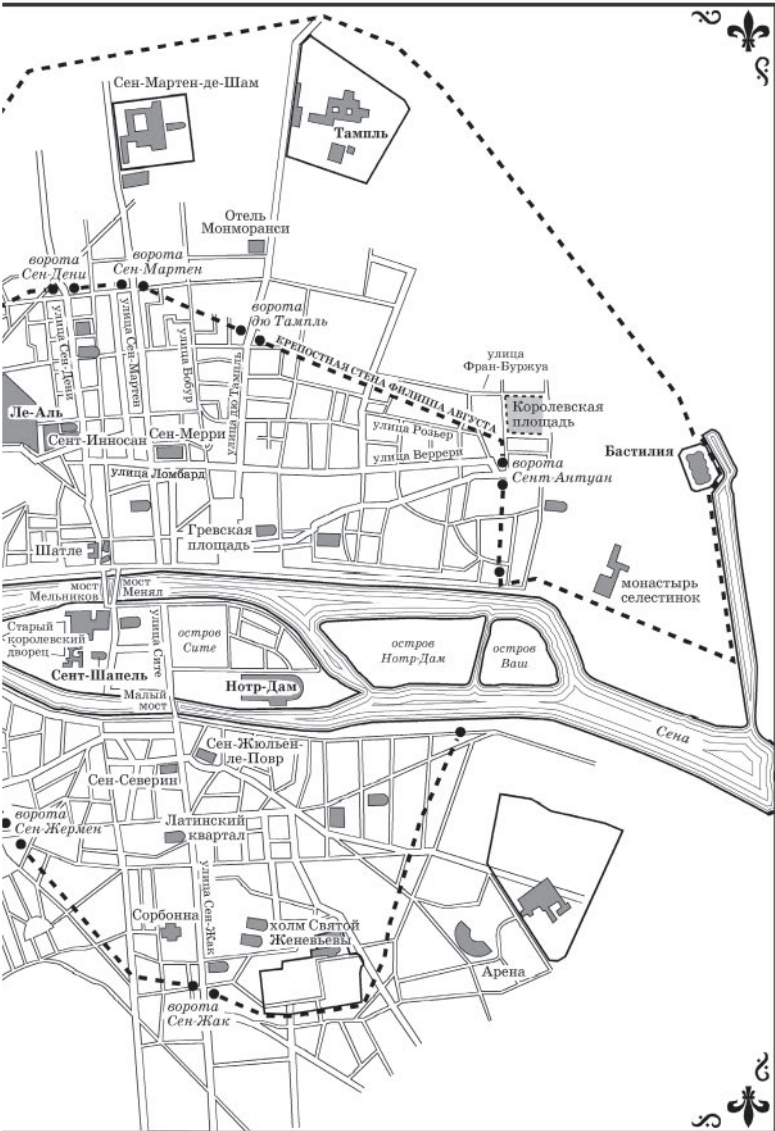
✠
Якоб

Старый Париж

ГЛАВА 1

1875 год

Париж. Город любви. Город огней. Город роскоши. Город святых и ученых. Город веселья.

Гнездо порока.

За две тысячи лет Париж видел все.

Не кто иной, как Юлий Цезарь, первым разглядел преимущества местности, которую сделало своим домом скромное племя паризиев. К тому времени средиземноморский берег Южной Галлии уже не первый человеческий век являлся римской провинцией; и когда Цезарь решил присоединить к империи беспокойные кельтские племена Северной Галлии, ему не понадобилось на это много времени.

Римляне быстро сообразили, что во владениях паризиев логично заложить город, так как сюда свозилась продукция с огромных плодородных равнин Северной Галлии; кроме того, через эти земли протекала судоходная река Сена. На юге истоки Сены сухопутными тропами соединялись с могучей Роной, которая вела к оживленным портам Средиземного моря. На севере Сена впадала в узкое море, за которым лежал остров Британия. Это была великая система водных путей, соединявшая южный и северный миры. Греческие и финикийские торговцы пользовались ею еще до рождения Рима. Место было выбрано идеально. Сердце земель паризиев находилось в широкой неглубокой долине, где Сена делала несколько изящных поворотов. В средней части долины река рас-

ширялась, и в этой красивой излучине в направлении восток-запад лежало несколько больших заиленных участков и островов, похожих на огромные баржи, бросившие якорь посреди потока. На северном берегу вдаль и вширь тянулись луга и болота вплоть до края низкой гряды пригорков и утесов, окаймляющей долину. Кое-где склоны были покрыты виноградниками.

А на южном берегу — левом, если двигаться вниз по течению, — возле реки мягко вздымалось низкое, плоское возвышение наподобие стола, поставленного у воды. Именно здесь заложили римляне свой город: большой форум и главный храм, амфитеатр неподалеку, сеть улиц вокруг и дорогу, идущую с севера на юг прямо сквозь центр города, по мосту через реку к самому крупному острову, который был тогда пригородом с прекрасным храмом в честь Юпитера, и по второму мосту на северный берег. Сначала город называли Лютецией. Но также его знали и под другим, более внушительным именем: город Паризиев.

В Темные века после падения Римской империи германское племя франков завоевало эту территорию и основало Франкское государство. Позднее его стали называть Францией. На эти изобильные края совершали набеги и гунны, и викинги. Однако остров на реке, обнесенный деревянными укреплениями, похожий на старое, побитое бурями судно, выжил. В Средневековье этот остров превратился в крупный город с лабиринтом из готических церквей, высоких деревянных домов, опасных проулков и зловонных подвалов. Со временем город выплеснулся на оба берега Сены, и уже в таком виде его обнесли высокой каменной стеной. Украшением острова стал величественный собор Нотр-Дам. Здешние университеты пользовались уважением всей Европы. Но затем пришли англичане и покорили Париж. Он мог навсегда остаться английским, но появилась чудесная дева Жанна д'Арк и прогнала их.

Старый Париж: это был город ярких огней и узких улочек, город карнавалов и чумы.

А потом родился новый Париж.

Перемена совершалась медленно. Со времен Ренессанса в темном средневековом городе стали появляться более светлые зоны в духе классицизма. Королевские дворцы и благородные площади придали ему новое величие. Через старые перенаселенные районы пролегли широкие бульвары. Амбициозные правители создали городские перспективы, достойные древнего Рима.

Париж изменял свой облик, чтобы соответствовать сначала великолепию Людовика XIV, а потом изяществу Людовика XV. Век Просвещения и новая республика, возникшая после Французской революции, поощряли классическую простоту, а эпоха Наполеона оставила наследникам имперскую пышность.

Затем процесс перемен ускорился благодаря новому градостроителю — барону Осману. Его грандиозная система бульваров и длинных прямых улиц, обрамленных конторскими и жилыми зданиями, была настолько основательна, что густая мешанина Средневековья исчезла из некоторых районов Парижа почти полностью.

И тем не менее старый Париж не пропал бесследно, он живет почти за каждым углом, навеяв воспоминания о прошедших столетиях и прожитых жизнях, что повторялись из поколения в поколение, как старая полузабытая мелодия; сыгранная вновь — в другую эпоху, в другом ключе, на арфе или шарманке, — она все равно узнаваема. И в этом непреходящее обаяние города.

Обрел ли наконец Париж покой? Он страдал и выживал, видел взлеты и падения империй. Хаос и диктатура, монархия и республика — Париж перепробовал их все. Что же ему понравилось больше остальных? О, это вопрос... Несмотря на свой возраст и опыт, город, кажется, так и не разобрался.

Недавно он пережил еще одну ужасную катастрофу. Четыре года назад его жители ели крыс. Сначала их

унизили, затем обрекли на голод. А потом они двинулись друг на друга с оружием. Прошло совсем немного времени с тех пор, как похоронили мертвых, с тех пор, как развеяло ветром запахи смерти и растаяло за горизонтом эхо расстрелов.

Сейчас, в 1875 году, он восстанавливается. Но еще много насущных проблем ждут своего решения.

Маленькому мальчику, светловолосому и голубоглазому, было всего три года. Кое-что он уже знал. О другом ему пока еще не рассказывали. И конечно, кое-что хранилось в тайне.

Отец Ксавье задумчиво посматривал на ребенка. До чего же он похож на мать! Отец Ксавье был священнослужителем, но любил эту женщину. Себе он признавался в своей страсти, однако самообладание его было безупречным, и никто не догадывался о его чувствах. А что касается мальчика, то, конечно же, у Господа имеется насчет него высший замысел.

Возможно, ему суждено быть принесенным в жертву.

Стоял солнечный денек. В фешенебельном саду Тюильри няни присматривали за играющими детьми. Отец Ксавье — духовник семьи, друг в нужде, священник — привел сюда мальчика на прогулку.

— Ну-ка, скажи, как тебя зовут? — с улыбкой спросил он ребенка.

— Роланд д'Артаньян Дьедонне де Синь. — Ребенок уже знал все свои имена наизусть.

— Bravo, молодой человек.

Отец Ксавье Парль-Ду был невысоким, жилистым человеком сорока с чем-то лет. Когда-то очень давно он служил в армии, но падение с лошади на всю жизнь одарило его кинжальной болью в спине. Знала об этом лишь горстка людей.

Солдатская жизнь оставила после себя еще один важный след. Он воевал, как того требовал долг. Он видел, как убивают. Он видел кое-что похуже, чем

смерть. И в конце концов ему стало казаться, что жизнь не может сводиться только к войне и страданиям, что в ней должно быть что-то более чистое и возвышенное. В ужасном мраке земного мира должно гореть где-то неумирающее пламя света и любви. И он нашел это пламя в Святой церкви.

А еще он был монархистом.

Семью мальчика он знал на протяжении всей своей жизни и теперь смотрел на милое дитя с нежностью, но также и с жалостью. У Роланда нет ни братьев, ни сестер. Его мать, прекрасная душа, та женщина, на которой священник сам хотел бы жениться, если бы не избрал иной путь, имела слабое здоровье. Будущее рода, возможно, будет зависеть целиком и полностью от маленького Роланда, а это тяжкое бремя.

Отец Ксавье понимал, что, будучи священником, должен смотреть на вещи шире. Как говорили иезуиты? «Дайте нам ребенка до семи лет, и он будет нашим на всю жизнь». Какой бы путь ни предназначал мальчику Бог, Ксавье поведет Роланда по этому пути независимо от того, послужит это к счастью или нет.

— А в честь кого тебе дали имя?

— В честь древнего героя Роланда. — Ища похвалы, малыш поднял на своего наставника глаза. — Мама читала мне про него. Он мой предок, — сказал он торжественно.

Священник улыбнулся. Широко известная «Песнь о Роланде» была романтической поэмой, повествовавшей о временах тысячелетней давности. О том, как рыцарь Роланд, друг императора Карла Великого, оказался отрезанным от основных сил войска в горном ущелье. Он протрубил в рог, призывая помощь, но было поздно, и сарацины зарубили его, и потом император оплакивал героя. Утверждение семьи де Синь, будто она ведет свой род от Роланда, было необоснованно, но привлекательно.

— Некоторые твои предки были рыцарями-крестоносцами, — одобрительно кивнул отец Ксавье. — Но это естественно. Ты принадлежишь к благородному роду. — Он помолчал. — А кем был д'Артаньян?

— Славным мушкетером. Он тоже мой предок.

И действительно, прообразом героя «Трех мушкетеров» послужил реально живший человек, а один из мужчин семьи де Синь во времена правления Людовика XIV женился на аристократке с тем же именем. Правда, отец Ксавье сомневался, что до выхода в свет романа Дюма этот факт кого-либо интересовал.

— В тебе течет кровь д'Артаньянов. Они были воинами, которые служили своему королю.

— А Дьедонне? — спросил мальчуган.

Отец Ксавье чудом сумел удержать уже готовые вырваться слова. Нужно быть осторожнее. Способен ли ребенок осознать весь ужас эпохи гильотины, который скрывается за этим его именем?

— Это имя твоего дедушки, и оно замечательно. Оно означает «дар Бога». — Священник задумался на мгновение. — Рождение твоего деда было... я не скажу чудом, но оно точно было знамением. Важно другое, Роланд, — продолжал наставник. — Ты знаешь девиз своего рода? Нужно всегда следовать ему. *«Selon la volonté de Dieu»* — *«Согласно Божьей воле»*.

Отец Ксавье обратил взгляд на окружающий их пейзаж. На севере поднимается Монмартр, где шестнадцать веков назад римские язычники обезглавили святого Дионисия. На юго-западе, за башнями Нотр-Дама, вздымается над левым берегом холм, где неутомимая Женевьева просила Бога отвратить гуннские орды Аттилы от города и где ее молитвы были услышаны.

Раз за разом, думал священник, Господь защищал Францию в час нужды. Разве не послал Он отважного полководца, деда Карла Великого, разбить мусульман, когда они впервые налетели из Африки и Испании и

могли бы завоевать всю Европу? Разве не подарил Господь Франции деву Жанну д'Арк, чтобы она повела свою армию к победе, когда англичане в долгой борьбе с французскими королями стали хозяевами средневекового Парижа?

Но что важнее всего, Бог дал Франции королевскую семью, ветви которой — Капетинги, Валуа и Бурбоны — тридцать поколений возглавляли, объединяли и прославляли эту священную землю.

И на протяжении веков де Сини преданно служили этим помазанным на царство королям.

Таково наследие этого мальчика. Со временем он все поймет.

Пора было идти домой. За спиной, там, где заканчивался сад Тюильри, раскинулось открытое широкое пространство — площадь Конкорд. Еще дальше протянулась живописная магистраль — Елисейские Поля, через три с небольшим километра приводящая к Триумфальной арке.

Мальчик был еще слишком мал, чтобы понимать значение площади Конкорд в своей судьбе. Что же касалось Триумфальной арки, то при всем ее величии отец Ксавье не очень-то почитал сей монумент, как и другие республиканские памятники.

Вместо этого взгляд священника был направлен на холм Монмартр — туда, где раньше стоял языческий храм, где закончил жизнь мученик Дионисий и где во время недавних беспорядков в городе разворачивались жуткие сцены. До чего же разумно принятое в этом году решение возвести там, рядом с ветряными мельницами, новый храм — в честь католической Франции. Непорочно белый купол базилики Сакре-Кёр — Святого Сердца, — словно голубь, будет сиять над городом.

Вот храм, где мальчику следует служить. Господь сохранил эту семью не случайно. Мальчик должен будет искупить стыд, восстановить веру.

— Хочешь еще немного погулять? — спросил отец Ксавье.

Роланд кивнул. Священник с улыбкой наклонился и взял ребенка за руку.

— Может, споем песенку? — предложил он. — Например, «Frère Jacques»?

И вот так, держась за руки и напевая, священник и маленький мальчик пошли из сада, сопровождаемые взглядами нянь и их юных подопечных.

Когда Жюль Бланшар достиг конца Елисейских Полей со стороны Лувра и двинулся дальше к церкви Мадлен, он с полным на то основанием мог назвать себя счастливецом. У него уже было два сына, оба — отличные мальчуганы. Но он всегда мечтал о дочери, и вот сегодня, в восемь часов утра, жена подарила ему дочку.

Была всего одна проблема. Ее решение требовало определенной деликатности, и вот поэтому-то он и шел сейчас на встречу с дамой, которая не являлась его женой.

Жюль Бланшар был крепко сложенным, энергичным мужчиной с солидным семейным состоянием. Веком ранее, когда очаровательная, в стиле рококо, монархия Людовика XV столкнулась с великими идеями Просвещения и Французская революция перевернула мир с ног на голову, его предок был книготорговцем радикальных взглядов. Сын книготорговца, дед Жюля, стал лекарем, чье искусство во время революции заметил набирающий популярность генерал Наполеон Бонапарт, и с тех пор дела деда шли прекрасно. Успешно практикуя как при наполеоновской империи, так и при сменившей ее монархии Бурбонов, он отошел от дел в преклонном возрасте и поселился в Фонтенбло. Этим загородным домом семья владела до сих пор. Жена доктора была из сословия коммерсантов, и в следующем поколении отец Жюля также подключился к этому делу. Специализируясь на оптовой торговле зерном,

к середине XIX века он сколотил приличный капитал. Жюль пошел по стопам отца, и теперь, в возрасте тридцати четырех лет, был готов возглавить семейное дело, как только его отец, достойный во всех отношениях человек, решит отправиться на покой.

У церкви Мадлен Жюль взял правее. Ему нравился этот бульвар, потому что он вел к новому огромному оперному театру. Здание Парижской оперы, спроектированное Гарнье, было достроено только в начале этого года, но уже стало достопримечательностью. Оно вмещало множество чудес, вроде гениально устроенного искусственного озера в подвалах, с помощью которого контролировался уровень грунтовых вод под строением. Но и снаружи театр поражал обилием декоративных деталей и, в том числе благодаря своей куполообразной крыше, напоминал Жюлю огромный кремовый торт. Парижская опера была пышной, роскошной, она воплощала дух времени — по крайней мере, для счастливых вроде самого Бланшара.

И вот впереди показалось место встречи. «Английское кафе» располагалось на углу, всего в нескольких шагах от Оперы. В отличие от театра, оно обладало ничем не примечательным фасадом. Но внутри — совсем другое дело. Заведение было достаточно роскошным даже для принцев. Несколько лет назад здесь ужинали императоры России и Германии, и тот легендарный пир длился восемь часов.

Куда же, как не сюда, приглашать Жозефину?

Для их сегодняшнего обеда открыли отдельный кабинет, обшитый панелями, известный как «Большой Шестнадцатый». Войдя в ресторан мимо кланяющихся официантов, золоченых зеркал и растений в горшках, Жюль сразу увидел ее.

Жозефина Тессье относилась к тому типу дам, которых метрдотели всегда усаживают в центре зала, если только сама дама не заметит вполголоса, что не желает привлекать внимание. Одетая дорого и элегантно, Жо-

зефина была прелестна в бледно-сером шелковом платье с кружевным рюшем у горла и кокетливой шляпке с большим пером.

Его встретил шорох шелка и головокружительный аромат. Он коснулся ее руки легким поцелуем, сел и попросил официанта принести шампанского.

— Мы празднуем? — спросила дама. — У тебя хорошие новости?

— У нас девочка.

— Поздравляю. — Она улыбнулась. — Я так рада за тебя, мой дорогой Жюль, ты ведь всегда хотел дочку.

Ему исключительно повезло, размышлял Жюль, что он успел побывать в любовниках Жозефины, пока они оба были молоды. Теперь он при всем своем достатке не смог бы позволить себе такую дорогую куртизанку. Нынче ее содержал очень богатый банкир. Тем не менее их отношения Жюль считал вершиной того, о чем может мечтать мужчина. Раньше она была его любовницей, а с годами стала доверенным лицом и другом.

Принесли шампанское. Они подняли тост в честь новорожденной, затем заказали еду и поболтали. Только с появлением легкого прозрачного супа Жюль наконец заговорил о том, что занимало его мысли:

— Есть одна проблема.

Жозефина ждала продолжения. Лицо Жюля помрачнело.

— Жена хочет назвать девочку Мари, — выговорил он наконец.

— Мари... — Его подруга подумала. — Неплохое имя.

— Я обещал тебе, что, если у меня будет дочь, я назову ее в твою честь.

— Это было так давно, мой дорогой. — Она подняла на него удивленный взгляд. — Для меня это не важно.

— А для меня важно. Я хочу назвать ее Жозефиной.

— И что же будет, если твоя жена свяжет это имя со мной?

— Она не знает о нас, я уверен. И буду настаивать. — Жюль с невеселым видом отпил шампанского. — Ты действительно считаешь, что есть риск?

— Я ничего ей не расскажу, можешь не сомневаться. Но кто-нибудь другой мог бы... — Жозефина покачала головой. — Ты играешь с огнем.

— Я все продумал, — стоял на своем Жюль. — Скажу, что хочу назвать девочку в честь императрицы.

Жозефина — прекрасная жена Наполеона, любовь всей жизни императора. В какой-то степени — романтическая легенда.

— Но она прославилась своими изменами, — заметила Жозефина. — Вряд ли ее можно считать хорошим примером для девочки.

— Я надеялся, ты мне посоветуешь что-нибудь.

— Нет. — Жозефина опять качнула головой. — Мой друг, это очень плохая идея. Назови дочь Мари, и пусть твоя жена будет довольна. Это все, что я могу сказать тебе.

Следующим подали заливного омара — еще одно фирменное блюдо ресторана. Они побеседовали о старых друзьях и опере. Только когда на десерт подали фруктовый салат, Жозефина, внимательно посмотрев на Жюля, снова заговорила о его семейных делах:

— Дорогой, ты хочешь огорчить свою жену? Она чем-то провинилась перед тобой?

— Вовсе нет.

— Ты неверен ей?

— Нет.

— Она тебя удовлетворяет?

— Более-менее. — Жюль пожал плечами.

— Жюль, ты должен научиться быть счастливым, — сказала Жозефина со вздохом. — У тебя есть все, что ты хочешь, включая жену и дочку.

Жозефина не испытала потрясения и даже не удивилась, когда Жюль объявил о намерении жениться. Избранница приходилась ему кузиной по материнской

линии, за ней давали большое приданое. Как выразился в те дни сам Жюль, две части семейного состояния снова нашли друг друга.

Однако сейчас Жюль продолжал хмуриться.

За свою жизнь Жозефина Тессье изучила множество мужчин. Это было ее профессией. С ее точки зрения, мужчины испытывали недовольство судьбой зачастую оттого, что род их занятий не подходил складу характера. О других можно было сказать, что они родились в неподходящее для них время — например, рожденный рыцарь, запертый в современном мире. Но Жюль Бланшар был идеально скроен для XIX века.

Когда Великая французская революция свергла власть короля и аристократия — *ancien régime* — уступила место богатой буржуазии, Наполеон создал собственную версию Римской империи, со своими триумфальными арками и своим путем к славе, но в то же время озаботился тем, чтобы привлечь на свою сторону крепкий средний класс. Его падение не отразилось на положении буржуазии в обществе.

Некоторые консерваторы стремились вернуть *ancien régime*, но в тот единственный раз, когда в 1830 году восстановленная монархия Бурбонов попыталась это сделать, парижане вышвырнули короля Бурбона из города и посадили на трон Луи-Филиппа, королевского кузена Орлеанской ветви, в качестве конституционного и буржуазного монарха.

С другой стороны, были и радикалы, даже социалисты, которые ненавидели новую буржуазную Францию и жаждали очередной революции. Однако, когда они в 1848 году вышли на улицы, думая, что настало их время, возникло не социалистическое государство, а консервативная республика, за ней последовала пышная буржуазная империя Наполеона III — племянника великого императора, — которая снова благоприятствовала банкирам и биржевикам, богачам и крупным торговцам. То есть людям вроде Жюля Бланшара.

То были мужчины, которые катались со своими шикарно одетыми женщинами в Булонском лесу на западной окраине города или собирались для приятного времяпрепровождения в огромном новом оперном театре. Любили там показываться и Жюль с женой. Жозефина несколько не сомневалась: Жюль Бланшар получил все самое лучшее, что только мог дать текущий век.

Да что там — у него даже была она.

— В чем дело, мой друг? — спросила Жозефина.

Жюль не сразу ответил. Он понимал, что ему до сих пор очень везло. И он ценил то, что имел. Он любил старый семейный дом в Фонтенбло, с внутренним двориком, дедовской мебелью времен Первой империи и книгами в кожаных переплетах. Любил элегантный королевский замок в городке, куда более старый и скромный, чем громадный Версальский дворец. Летом по воскресеньям он гулял в лесу Фонтенбло неподалеку или в карете ездил в деревню Барбизон, где Коро писал пейзажи, наполненные ускользящим светом Сены. В Париже ему нравилось вести торговлю на огромном средневековом рынке Ле-Аль среди ярко окрашенных прилавков, толкотни, ароматов сыра, пряностей и фруктов со всех концов Франции. Он гордился близким знакомством с древними городскими церквями и столь же древними трактирами с глубокими винными подвалами.

И все же этого было недостаточно.

— Мне скучно, — сказал он. — Я хочу заняться чем-то новым.

— Чем же, мой дорогой Жюль?

— У меня есть план, — признался он. — Ты будешь потрясена. — Он сделал широкий жест. — Новая торговля для нового Парижа.

Когда Жюль Бланшар говорил о новом Париже, то имел в виду не только широкие бульвары барона Османа. Еще со времен великих готических соборов Пари-

жу нравилось считать себя законодателем мод — по крайней мере, в Северной Европе. Парижане почувствовали себя обойденными, когда четверть века назад Лондон фигурировал во всех международных новостях благодаря дворцу из стекла, построенному для Всемирной выставки всего, что было в мире нового и удивительного. За Лондоном вскоре последовал Нью-Йорк. Но к 1855 году Париж был готов ответить на этот вызов, и новый император, Наполеон III, открыл Всемирную парижскую выставку трудов промышленности, сельского хозяйства и изящных искусств в потрясающем воображение Дворце индустрии из металла, стекла и камня на Елисейских Полях. Дюжину лет спустя Париж повторил свой успех, теперь уже на парадных просторах Марсова поля, что раскинулось на левом берегу. Эта выставка 1867 года стала крупнейшей в мире на тот момент и продемонстрировала множество технических новинок, включая электрическую динамомашину Сименса.

— Я хочу открыть универмаг, — сказал Жюль.

В Нью-Йорке уже были универмаги, например «Мейсис», который рос и процветал. В пригородах Лондона функционировал «Уайтлис» и еще несколько кооперативных магазинов, но пока ничего выдающегося не возникло. Париж уже опережал соперников и количеством, и стилем со своими «Бон-Марше» и «Прентамом».

— Это будущее, — провозгласил Жюль. И начал описывать магазин, каким он его себе представлял: дворец, способный вместить множество покупателей, где продаются всевозможные товары. — Стиль, умеренные цены, с расположением в центре города, — объяснял он с растущим энтузиазмом Жозефине, которая завороченно слушала его.

— А я и не знала, что ты можешь быть таким страстным, — заметила она.

— Гхм...

— Я имею в виду — в голове, — улыбнулась Жозефина.

— А-а.

— Что говорит по этому поводу твой отец?

— И слушать не желает.

— Что будешь делать?

— Ждать. — Он вздохнул. — Что мне остается?

— Ты не рискнешь начать это дело самостоятельно?

— Трудно. Деньги контролирует отец. И к тому же вносить раздор в семью...

— Ты ведь любишь отца?

— Конечно.

— Тогда будь добр к отцу и к жене, мой дорогой Жюль. И наберись терпения.

— Да, наверное, это самое правильное. — Он помолчал. Затем лицо его прояснилось. — Но дочку я все равно хочу назвать Жозефиной.

Затем, сказав, что ему нужно спешить к жене, он поднялся. Жозефина остановила его прикосновением руки:

— Ты не должен этого делать, мой друг. В том числе и ради меня. Прошу тебя.

Но Жюль, ничего не обещая, расплатился с официантом и заторопился к выходу.

После его ухода Жозефина осталась сидеть в задумчивости. Неужели он в самом деле намеревается назвать малышку ее именем? Или, вспомнив глупое обещание, данное много лет назад, всего лишь разыграл красивую сцену, имевшую целью добиться свободы от взятого обязательства? Она улыбнулась про себя. Все это не имело значения. Даже если верно второе, со стороны Жюля это был умный и изящный ход.

Ей нравились умные мужчины. И она так и не поняла, как он в конце концов поступит, — это ее забавляло.

Высокая костлявая женщина остановилась. Рядом с ней замер темноволосый мальчик девяти лет, с коротко подстриженными волосами и широко расставленными умными глазами.

Вдове Ле Сур было сорок лет, но то ли из-за невзрачной одежды, висевшей мешком на ее тощем теле, то ли из-за того, что ее длинные седые волосы были не прибраны, то ли из-за непрístupного выражения лица выглядела она гораздо старше. Она казалась мрачной, и на то у нее была причина.

Прошлым вечером сын задал ей некий вопрос — уже не в первый раз. И сегодня она решила, что пришло время поведать ему правду.

— Пойдем, — сказала она.

Кладбище Пер-Лашез занимало склоны холма примерно в пяти километрах к востоку от сада Тюильри, где часом ранее гуляли отец Ксавье и маленький Роланд. Это старинное место захоронения в последнее время приобрело популярность. Здесь нашли свой погребительный приют самые разные знаменитости — политики, воины, художники и композиторы, и к их могилам приходило много посетителей. Но вдова Ле Сур привела сюда своего сына не ради надгробных памятников.

Они вошли через ворота со стороны города, у подножия холма. Во всех направлениях, петляя между усыпальницами, тянулись аллеи и мощеные тропинки, словно римские дороги в миниатюре. Было тихо. Кроме смотрителя у ворот, в этот час мать и сын были почти единственными живыми людьми на кладбище. Вдова точно знала, куда идти. Мальчик же не имел представления, зачем они здесь.

Сначала, почти сразу возле входа, они ненадолго замедлили шаг, чтобы осмотреть памятник справа, который сделал кладбище известным: высокий мавзолей средневековых влюбленных Абеяра и Элоизы. Но здесь они не задержались. Вдову не интересовали

ни прославленные маршалы Наполеона, ни свежая могила художника Коро, ни даже изящная скульптура, посвященная памяти композитора Шопена. Все это им только помешает. Прежде чем сказать сыну правду, она должна подготовить его.

— Жан Ле Сур был отважным человеком, — заметила она.

— Знаю, матушка.

Его отец был героем. Каждый вечер перед сном он мысленно повторял все, что помнил о высоком добром человеке, который рассказывал ему сказки и играл с ним в мяч. Который всегда приносил к столу хлеб, даже когда в Париже свирепствовал голод. А если воспоминания со временем тускнели, на помощь приходила фотографическая карточка, с которой на мальчика смотрел красивый мужчина — темноволосый и с широко расставленными глазами, как у него самого. Иногда он видел сны, и в них они с отцом отправлялись за приключениями, а однажды даже бок о бок сражались в уличном бою.

Мать молча вела его вверх по склону. Немного не доходя до вершины, она свернула направо и пошла по длинной аллее. Потом она снова заговорила:

— Твой отец обладал благородной душой. — Она посмотрела на сына. — Как по-твоему, Жак, что значит быть благородным?

— Ну, по-моему, это значит... — Мальчик подумал. — Это значит быть смелым, как рыцари, которые сражались во имя чести.

— Нет, — возразила она. — Те рыцари не имели ничего общего с благородством. Они были ворами, тиранами, которые забирали себе столько богатства и власти, сколько могли. Сами они называли себя благородными, чтобы им было чем гордиться, и делали вид, будто их кровь лучше нашей и дает право творить все что заблагорассудится. Аристократы! — Она скривилась в гримасе ненависти. — Это фальшивое благород-

ство. И хуже всех — король. Все это грязный заговор, которому уже многие сотни лет.

Юный Жак знал, что его мать благоговела перед Французской революцией, однако после смерти отца стала избегать любых разговоров о событиях тех лет, словно они принадлежали какому-то темному миру, куда она не желала возвращаться.

— Почему же он до сих пор не раскрыт?

— Потому что существует преступная сила, еще более отвратительная, чем король. Ты знаешь, что это за сила?

— Нет, матушка.

— Это Церковь, Жак. Король и его аристократы поддерживают Церковь, а церковники велят людям слушаться власть имущих. Таков сговор старого режима. Такова чудовищная ложь, в которой мы живем.

— Разве революция ничего не изменила?

— В тысяча семьсот восемьдесят девятом году случилось нечто большее, чем революция. В том году родилась свобода. Свобода, Равенство, Братство — вот самые благородные идеи, которые только могут быть у человечества. Старый режим боролся с ними, и поэтому революции пришлось рубить головы, это было абсолютно необходимо. Но что еще важнее, революция выпустила нас из тюрьмы, которую выстроила Церковь. Власть священников была подорвана. Люди получили право отрицать существование Бога, отринуть суеверия и следовать разуму. Это был величайший шаг вперед для всего человечества.

— Что случилось со священниками, матушка? Их тоже убили?

— Некоторые. — Она пожала плечами. — Этого оказалось недостаточно.

— Священники и сейчас есть.

— К несчастью, да.

— Значит, все революционеры были атеистами?

— Нет, но лучшие — да, они были атеистами.